

МОРСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Я не знаю, как назвать то состояние, которое испытывают моряки, предаваясь воспоминаниям о том месте, которое, с одной стороны, ограничено в пространстве судном, и безгранично в мировом океане. Корабль рождается, живет отпущенный ему промежуток времени и умирает. Как ни прискорбно, но с кораблями уходят люди. "Ничто не вечно под луной". О морях написано очень много книг, статей. В основном их герои капитаны, штурмана, боцманы и матросы. Я же коснусь только той темы, которая мне больше всего знакома и менее затронута литераторами и газетчиками. Это тема морских коков. Причины подобной непопулярности лежали в основе этой профессии. Ни один зав. производством не любил рекламировать себя, так как был не только шефом, но и коммерсантом, а как вы знаете, подобной категории при советах де-юре не существовало. Среди людей, работающих в этой службе, я единственный, который владеет пером профессионально, во всяком случае, во всем теперь уже бывшем Черноморском пароходстве, поэтому и взял на себя такую миссию — приоткрыть эту небольшую "тайну Бургундского двора". Так как эта тема не представляет сегодня интереса для компетентных органов, я надеюсь, что она вызовет здоровый интерес у моего читателя.

Почти ни одно литературное произведение, фильм, не обходится без застольных сцен и сюжетов. Стол, я имею в виду как ритуал, располагает к общению, это место, где рождается свободный диалог. Посещая кафе, ресторан или располагаясь на лужайке, мы даже не подозреваем, какое большое место в нашей жизни занимает это святое место человеческого общения. Но если понимать в классическом торжественном или деловом варианте, то здесь никак не обойтись без специалиста. Морские коки — это была особая категория профессионалов, с большим многолетним опытом, знанием мировой кухни и сервиса. Сегодня много телевизионных передач, рассказывающих об этом возделенном предмете, как правило, их ведут актеры или журналисты. У настоящего специалиста они вызывают иронию. Возможно, они грамотно обставлены со сто-

роны литературного или кинотворчества, но совершенно безграмотны с точки зрения производства кухни. Обратите внимание на руки настоящего кока, они мягкие, пластичные, без мозолей и ран. Это в кино нам показывают шефа с накрахмаленной салфеткой и серебряной ложкой, которой он снимает пробу. На самом деле свою продукцию шеф пробует сначала руками. Он виртуозно владеет кухонным ножом, как скрипач смычком, не глядя на него и не отрывая кончик ножа от разделочной доски. Хорошие кухонные ножи — это продолжение рук мастера, они подбираются порой десятки лет, во многих портах мира. Подобная сноровка достигается десятилетиями упорного труда. Поэтому не случайно многие наших знаменитых шефов, таких как Раздобудько, Козлов, Воробьев, Аганов, Чебанюк, помнят — и ценили во многих странах. Николай Аганов — "последний могоканин", который остался и сегодня в действующем плавсоставе. Капитаны, как правило, переходили с парохода на пароход, забирая своего шефа. Потому что для пассажирского флота супершеф — половина успеха.

Я сделал такое странное вступление не случайно, так как намерен написать серию морских рассказов, и думаю, не ошибусь, если начну с самого знаменитого на всем Черноморском флоте маэстро — кока Раздобудько Дмитрия Сергеевича. Убежден, что такой морской судьбе мог бы позавидовать любой прославленный моряки капитан. Службу на флоте начал мальчишкой до первой мировой войны, в РАПИТе, и плавал, как говорят моряки, ходил, до восьмидесяти годов прошлого столетия, почти семьдесят лет отдано гражданскому морскому флоту. Известный шеф-повар был настоящим моряком, человеком обязательным и мудрым, о нем мой первый рассказ. К большому сожалению, время стерло в моей памяти даже настоящие имена некоторых моих героев. Но это не историческая публикация, а рассказ, в котором я как автор, выбирая жанр, постараюсь добавить красок, как повар добавляет специи, не разрушая подлинных событий давно ушедших дней.

Евгений НИКОЛАЕНКО.

«Король камбуза»

Рейс подходил к своему завершению, тяжелый, клепанный из листов стали красавец "Адмирал Нахимов" входил в одесский порт. Небольшого роста седой капитан с ключиками глазками находился на мостике. Время от времени он давал точные указания швартовой команде.

— Подтяните прижимной кормовой, не учитывайте ветер в борт.

Завладевшим штурману сделал лаконичное замечание:

— Голубчик, вы не на пляже, приведите себя в порядок и поворачивайтесь быстрее.

Еще несколько слаженных движений команды и буксира поставили точку в швартовке, и теплоход, как мустанг, поиграв мышцами машины и палубной команды, замер.

— Стоп машины. Благодарю за работу, все свободны.

По трапу уже выходили люди, из открытых иллюминаторов доносились громкая речь. Пассажиры, пошатываясь, ставили ноги на твердый грунт причала, еще долго оставаясь во власти моря. Вахтенный штурман проверил мои документы, объяснил, как пройти в каюту шефа.

Я спулся по трапу все ниже в черво вместительного многопалубного теплохода, пока не достиг длинного коридора, прозванного моряками "Колбасный переулочек". Здесь находились каюты команды. Прежде чем прийти к мастеру, хотелось пообщаться со службой ресторана, узнать его расположение и последние новости. Каюта шефа находилась недалеко от ресторана первого класса. По всей вероятности, никаких секретных переговоров не было, дверь была открыта настежь, из нее доносились непринужденная беседа, которая бывает у моряков в такие непродолжительные минуты в родном порту. Новых пассажиров на борту еще не было. Судно для загрузки должны были поставить на другой причал. У стола сидел пожилой розовощекий крепкий мужчина. Он опустил между коленками большие по локоть обнаженные руки. Они были похожи на руки хирурга: плотные, без единой ссадины или пореза, но мягкие, эластичные, позволяющие почувствовать нутром то, к чему прикасались. Старик был похож на древнего Моисея. Несмотря на

свой почтенный возраст он сохранил мужскую привлекательность и красоту. Косая сажень в плечах, большой открытый лоб, светлые добрые глаза. Я почему-то подумал: вот тебе готовый актер для кинофильма. Он внимательно осмотрел пришельца и предложил мне присесть, продолжая свой рассказ.

— Что сегодня за плавание, сказка и только! Я на флот пришел давно, мальчишкой, еще до войны.

— Это с немцами, что ли? — перебил рассказ старший повар, белокрысы Васья Гурский.

Старик внимательно, с укором посмотрел на него.

— Да, с немцами, но не с которыми воевал твой отец. Это было до первой мировой. Пришел, значит, я на первый свой пароход "Князь Потемкин", представили меня офицеру, занимающемуся питанием, тот осмотрел меня с ног до головы и перепоручил на воспитание старшему повару Козлову Александру Ивановичу. Должность моя называлась — каструльный. Это сегодня вы избалованы электричеством, плитки, мармиточки как в аптеке, да мощные средства. А тогда дровишки, уголек, открытый огонек и закованные медные каструли, которые приходилось надраивать песочком, да заодно по-первах и свои ручки в кровь издирать. Да, жили мы не в каютах, а в кубриках человек по двадцать в каждом. Как надышат, бывало, горохом да спиртным, угром такое впечатление, что в газовой камере побывал, и притом тебя обработали. Если, что-то не так, можно и по физиономии схлопотать.

Тут снова в разговор вмешался Гурский:

— Дмитрий Сергеевич, и часто вам доставалось в дыню?

— Эх, неисправимый ты, Васья, это у тебя дыня да нос картошкой, а я свой фейс и честь берег смолоту, да и Козлов не из таких был, чтобы кулаком в харю тыкать. Почему был? — поправил себя Раздобудько. — Старик еще живой, будет сегодня в гостях.

Он обратился к заведующему складом Борису Котикову:

— Сынок, вот видишь, чуть не забыл, ты ему гостинец приготовь да пару бутылочек хорошей водочки, из моих запасов. Папа у нас заслужил.

Боря, шустрый, небольшого роста парень, всегда изысканно одетый, не заставлял шефа повторять дважды, мигом спустился на склад приготовить муган. Необходимо отметить, что старик и действительно отнесился к нему по-особенному и даже посвящал в амурные дела. А люди в почтенном возрасте относятся очень трогательно к виновникам таких милых сердцу проказ и прячут эти чувства от любопытных глаз.

— И сколько же годков вашему папе, дедушка?

— За девяносто перевалило, среди нас он самый старый, поэтому и называем его папой, в знак уважения.

За бортом послышался сильный свисток, двухтрубного буксира "Березань", еще работающего на уголке. Моряки, видя это архаическое сооружение, посмеивались:

— Две трубы — одна зарплата.

Буксир, пыхтя своими котлами, выбрасывая клубы черного дыма, который покрывал таким же цветом вечно грязных, но работающих кочегаров и отъявленных пьяниц на берегу. Дым при безветрии расстилался по всему брекватеру, как дымовая завеса, заставляя все суда невольно задрать иллюминаторы. На это Васья срочно соорудил пошлый, но совершенно точный бейт.

*Подымая вонь и срань,
Появилась "Березань".*

— Васья, пошлая несправимый, ты поварам всем соорудил паек?

— Обижаешь, Дмитрий Сергеевич, даже себя не забыл.

— А вот Марине, которая лежит в больнице, да двух детей малолетних дома имеет, конечно, забыл.

Васья конфузливо почесал затылок.

— Прости дедушка, промашка вышла.

Кок покачал головой и обратился к Борису:

— Сынок, ты пощеднее, сгоняй еще на склад, да не забудь несколько бутылочек вина ей, и пару рублей пусть передадут.

Борис снова исчез, гремя связкой ключей. А шеф продолжил свой рассказ.

— Как-то в Бейруте, учитывая особую проворность Борьки, сына, значит, моего, и знание им всех торговых точек мира для рашен моря-

ков, я напросился проводить меня в эти знаменитые места, чтобы купить гостинцы детям и внукам. В общем, ударить моряким рублем по торговой точке. Признаться, я хоть больше всех вас вместе взятых плаваю, а к коммерции не приучен. До революции это среди почитаемых моряков дурно пахло. Пропить — это дело другое, хотя и этим себя не избаловал. Так вот, привел меня Борька в магазин "Одесса". Хозяин Мустафа, скорее всего, татарин, порусски хорошо лопочет, говорит:

— Поднимитесь на второй этаж, уважаемый.

Я подумал, это в знак уважения к моей старости. Накупил по дешевке вещей, мне их красиво упаковали и красивой ленточкой перевязали. Так красиво, что я их до самого дома не разворачивал. А когда преподнес моей жене, Марии Алексеевне, кофту, то та ахнула — оказалась кофта без одного рукава, платье внучке вышло без воротника. Я смущенно краснел, что меня, старого дурака, обьегорили. Ситуацию поправила моя милая старушка:

— Ничего, Димочка, по всей вероятности, так модно сегодня ходить на Западе.

И мы все в удовольствии насмеялись.

Вернулся Борис, услышал отрывки последних фраз и, припоминая этот факт, лихо, как он умел, расхохотался. Его дружно, до слез, поддержали присутствующие.

— Да если бы только такие проказы устраивал мой сынок, Боря. Обратите внимание на этот портрет, — он раздвинул шторку над кроватью.

На большом плакате сидел коммерсант в бабочке и парил в тазу ноги. Когда мы повнимательнее присмотрелись к лицу, оно оказалось поразительно похоже на Раздобудькино.

— Ты посмотри, этот паршивец присобачил мой фейс на плакате и повесил на том месте, где у меня висит меню на день. Зашел ко мне капитан, я только проснулся после адмиральского часа и не мог понять, что заставило смеяться всегда угрюмого капитана Соболева. А он мне пальцем тычет в плакат и спрашивает: "Что это такое?". Исползовал, проказник, мою старую слабость по вечерам парить ноги и осрамил пред честным народом.

Но здесь заскрипел спикер, оповещая, что команда должна занять места по швартовому расписанию.

— Так, сынки, и нам пора делами заняться, ужин готовить будем, да и банкет для большого начальства мне организовать надо. А ну-ка, Васья, заместителя ко мне и Веру с холодных закусок, мигом, и посмотри, что с мясом делается.

Все разошлись по своим местам, и я неохотно побрел к капитану. Постучал в двери, представился. В меня вперились маленькие злые глазки:

— Вы к кому, голубчик, пришли? Какой у вас вид!

— К капитану, я новый ваш директор ресторана.

— Выйдите и приведите себя в порядок.

Я, признаться, не ожидал такого приема и, краснея, покинул капитанскую каюту. Долго стоял у зеркала, рассматривая себя. Я был одет в белоснежную френчевскую рубашку, такие же белые отутуженные брюки, в красивых белых итальянских штиблетах. Был молод, строен. Не найди никаких недостатков в себе и одежде, обратился к Борису: "Боря, что он от меня хочет, голубчик?".

— Эх, брат, "голубчик" у Соболева самое ругательное слово. А хочет он, что бы ты появился перед ним как положено, в форме, ты же старший офицер. Натерпишься ты от него. Он с поповских детей, не приучен к мату, но только душу без него выгашит. Ну не беда, пошли, подыщем тебе форму. Я тебе сейчас такой прикид найду, что сам Соболев ахнет. Капитан как капитан, ты еще нашу бухгалтершу Веру Григорьевну не видел. Она глаза и уши Соболева, и не знаю, что лучше для тебя, понравиться ей или нет. Понравилась — будет донимать тебя сек-

суальными домогательствами, нет — изживать с судна, старая карга.

— Боря, да ты меня совсем застрашал, "черт не выдаст — свинья не съест". Расскажи что-нибудь интересное. Пожурим — увидим.

Прошли в каюту, и хотя по своей архитектуре — это строгое жилище, каждый моряк начинает его своим содержанием, по которому можно давать характеристику хозяину. В каюте царил идеальный порядок, некоторые заморские безделушки приносили свой шарм. Но я никак не мог понять, что подчеркивало женское присутствие. Хотя на "пассажирах" это норма. Я уловил тонкий устоявшийся запах духов. Так, здесь бывает постоянная девочка.

— Для непостоянных у меня есть другие помещения. А здесь бывает только Татьяна.

— Я смотрю, прикипел ты к ней и таскаешь с судна на судно.

— Я молод, ведь это норма. Вот ты видел нашего деда Раздобудько, а вкус к женщинам он не потерял. Вот что у меня вызывает симпатию. Иногда приходится оказывать ему помощь в этих делах.

— В каком плане? — с намеком спросил я.

— Эх ты, развратник, это у нас, молодых, просто секс, а у таких аксакалов, как дед — любовь. Дамы от ухаживания таких великовозрастных кавалеров, может быть, впервые в жизни понимают, какое это великое чувство. Когда тебя не просто сношают, а все пальчики облобызают, да теплое слово скажут, которое разогрет женское сердце. Женщина ждет от нас, кобелей, теплоты отношений, а вы что? Не успели до сиськи дотронуться, и уже антон вытаскиваете. Вот в Батуми стояли. На борт посторонних не пускают, судно не досмотрено, а она, бедненькая, стоит под дождем и своего принца ждет. Не старая, интеллигентная, педагог. А он-то как, сердешный, мается, а поделать ничего не может. Пришлось мне нанять катер, да с противоположного борта через лаз затаскивать ее. Поутру Вера Григорьевна, бухгалтер и полиция нравов по совместительству, заметила неладное, давай в замочную скважину подглядывать. А сама не прочь, что бы и ей кто-нибудь молодецкий под хвост заехал, что чаще всего и бывает. Прибегают ко мне и говорят таинственно: "Боря, ты знаешь, у Дмитрия Сергеевича женщина в каюте, я видела ее ноги".

— Вы ошиблись, Вера Григорьевна, это, наверное, его носки, я уже был в каюте — у него никого нет.

— Слушай, дорогой, не кажется тебе, что мы заболтались с тобой, иди, "голубчик" тебя ждет. Да тут еще у нас один небольшой скандалчик незрелая. Мясо запарили, а скоро ужин, новое дефростировать не успеем. Иду Раздобудьке доложить, выкручиваться, как-то надо.

У капитана я долго не задержался, представлять команде меня он перепоручил помпе, чему я был очень рад. Я вернулся в шефскую, где уже шел возбужденный разговор, что делать с мясом, которое оттаяло и издавало неприятный духан.

— Пошли все на камбуз, там и разберемся, — предложил Раздобудько. — Так. Вместо того чтобы разложить парное мясо, вы кинули его в кучей в холодильник. Ну, везенья по заслугам я раздам потом, а пока мять мясо в проточной воде добела.

Мясо выложили в портомойки и, кривя носами от неприятного запаха, начали мять.

— Дмитрий Сергеевич, может, что-нибудь другое придумаем? — спросил заместитель.

— Предлагай, я готов выслушать.

— Может, заменим на птицу?

— А птица разве не в брикетах замороженная? Вот то-то и оно, времени у нас нет. Бог с ним, что мясо испортили. Что у нас по меню на ужин?

— Рубец по-швейцарски.

— Значит, будет де-воляй по-венски, в сухарях.

— Так он же с куриной филейки готовится, — не унимался заместитель.

— Я приготовлю, ты и сам не разберешь, с чего оно.

Мясо вымыли добела, неприятный запах ушел, снова промыли в растворе марганцовки и уксусной воде. Раздобудько обильно полил

(Окончание на 4-й стр.)

«Король камбуза»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

его грибным соусом, посыпал шафраном, и мясо приобрело золотистый цвет, оригано завершило подготовительный букет. Дальнейшие манипуляции, похожие на колдовское священнодействие, — и блюдо, украшенное руками шефа, подали к столу.

Раздобудько скинул с себя грязную одежду, принял быстро душ и вышел в зал. Внешнее обаяние шефа вызывало всегда у пассажиров симпатию. Одна пышная блондинка поинтересовалась, из чего готовится "де-воля по-венски".

— Вы бы не могли дать мне рецепт?

На что шеф таинственно с улыбкой ответил:

— Это небольшой секрет нашей фирмы.

Раздобудько вернулся на камбуз, там уже был аврал — мыли посуду и драили палубу с порошком. Все спрашивали, как прошел ужин.

— Не дожидаться, чтобы у нас было плохо, но вы мне смотрите.

Он пригрозил заместителю пальцем. Тот, зная свою вину, наклонил, извиняясь, голову.

Сгурский, видя хорошее расположение шефа, обратился к нему:

— Дмитрий Сергеевич, ну после этого рейса в отпуск отпустите, к любимой теще в Курск надо съездить?

— Я его на повышение рекомендую, в заместителя шефа перевожу, а он к теще собрался уезжать.

— Так одно же не должно мешать другому, один рейсик побуду дома, с женой, дочкой.

— А Людку на кого оставишь корабельную, наверное, тоже на снохася от тебя ходит? Да и тут разберемся, дети наша радость.

— Ну, что же, раз разберешься, пойдешь в отпуск. Сгурский, от радости пританцовывая, удалился, напевая собственное сочиненьце:

*Не в Одессу, в город Курский
По---чил Вася Сгурский.*

— Что, Володя, скажешь, пора и тебе на самостоятельную работу переходить, мастер ты неплохой.

Суда скоро новые придут, вот я и рекомендовал тебя руководству на должность шефа, — он обратился к заместителю.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, только боязно.

— Со мной ты все прошел, чего тебе бояться? Ты лучше скажи, сколько блюд осталось после ужина?

— Порций пятьдесят.

— А я же тебе приказывал, приготовь на сто больше.

— Да я-то сто и приготовил, но пассажиры просили добавки.

— Выставь все на окне у камбуза, да прикрой, чтобы не остыло, вахтаночная пусть побалуется ресторанной пищей. В общем, как всегда.

— Конечно, Дмитрий Сергеевич, все будет "о'кей".

— Проводите меня, дети, в каюту, я, признаться, сегодня очень устал.

На причале у морвокзала начали съезжаться черные членовозы. Банкет накрывали в красном зале. В четыре стекла и столько же приборов. По такому случаю принесли из запасов самую дорогую посуду, возможно, доставшуюся по репарации вместе с пароходом от третьего рейса. В такие ответственные моменты шеф сам украшал блюда и с камбуза уходил только тогда, когда стол был накрыт, а вкус и красота блюд не вызывали сомнения. Он принимал душ, обильно орошал себя французским "Балафре", надевал шикарную поварскую куртку, купленную специально для него в Марселе, и накрахмаленный кошениль. Господа-товарищи, увидев великолепие стола, как правило, приглашали старого известного кока поблагодарить. Так это было и в этот раз. Прошла официальная часть, прославили вождя и "успехи в труде" и, не помявшись, приступили к трапезе. А гости в большинстве были знаменитые: секре-

тарь обкома Синица, комиссар милиции Гайдамака, зам. министра морского флота, крутые цекашники и для приличия несколько дам. Необходимо отметить, что Гайдамака считал своим долгом до того пообщаться со знакомым ему и авторитетным шефом в каюте, по-дружески, пропустить стаканчик холодной водочки, закусив простым соевым огурцом и кусочком сочной свининки, не пользуясь при этом никакими приборами, просто со смаком — руками. Когда в зал зашел Раздобудько и подошел к банкетному столу, Гайдамака поднялся, за ним Синица, цекашники. Представляете себе зрелище: чиновники стоя, в непривычной для них позе приветствовали старого кока. Растерянный и растроганный Раздобудько не знал как себя вести, он поднял обе свои огромные руки и трепетно сказал: "Не надо, сынки, ешьте на здоровье". Его насильно, с нарушением протокола, усадили за стол. Но он так ни к чему и не притронулся. Отработанная десятилетиями линия поведения старого повара не дала ему права участвовать в трапезе, его святая обязанность была готовить ее. Он был королем стола, и когда большая часть спиртного была выпита, он тихо, не прощаясь, по-английски вышел. Не создавая своим присутствием и уходом никаких неудобств.

Прошло несколько лет, я пришел к директору ресторана "Черное море". Намечался банкет в честь мэра города-побратима нашей Одессы, Марселя. Но какой же банкет французам без лягушек? Доставили из Вилково в термосе, обложенном льдом, лягушек. Но кто же их приготовит? Вспомнили о старом коке Раздобудько. Он на дрожжащих ногах с сопровождением проследовал на кухню. Несколько поварах брезгливо рассматривали рептилий, и никто не решался взять их в руки. Кока усадили на скамеечку, так как он долго не мог стоять. Поварами заголосили: "Мы не возьмем их в руки, мы боимся!".

— Та шо вы, деточки, це ж так просто.

Он взял лягушку за задние лапы, она как по команде выпрямилась, ловко отсек кривым ножом переднюю часть, виртуозно снял тонкую шкурку и отрезал коготки, бросил на противень. Одной беременной поварешке при виде непривычной разделки лягушек стало плохо, ее удалили с кухни.

— Девочки, не стойте, разогрейте сливочное масло и добавьте растительного, чтобы не горело. Приготовьте панировочные сухари, остальное я сделаю сам.

Он быстро обжарил тушки, украсил блюдо зеленью и передал в зал. Я подошел к нему, когда он закончил работу, — поздороваться.

— Дмитрий Сергеевич, ну как дела, не собираетесь ли в рейс?

— Звал Соболев, видать, отплавался моряк. Для моряка море, как бальзам, и душу лечит, да вот старушка моя совсем плоха. Если я и обделил кого своим вниманием, так это ее, всю жизнь проболтался в море. Без меня она детей вырастила и теперь под конец жизни негоже ее бросать одну.

Через несколько лет старик умер, немного не дожив до своего девяностолетия, успев похоронить свою Марию Алексеевну.

Я неисправимый мечтатель и оптимист, мне кажется, что пройдет время, мой любимый город возродит свой пассажирский флот. И однажды на одесском морском причале пришвартуется современный белый красавец лайнер, который будет гордо нести на своем борту имя изюминки нашего Черноморского морского пароходства: "Дмитрий Раздобудько". Может, к тому времени многих из нас не будет в живых, но так ли это важно, если подобное чудо произойдет?

Евгений НИКОЛАЕНКО.

Татьяна ОРБАТОВА

СВЕЧЕНИЕ БОРЗОСТИ, или ГУНДОВИНА — 11

Родилась я в пятницу, тринадцатого, и зовут меня Гундовина-11. Игрушек у меня нет. Разве что пара-тройка металлических пуговиц и серенький сюрточок в стиле товарища Сталина. Правда, был какой-то пентотал, доставшийся мне от одного монаха по кличке Сопель, который сбежал из психушки и по сей день живет в моем скромном жилище — клетке. Кстати, неплохой человек. Говорит, что я похожа на Гундовину-10. Лыстит, наверно. Но все равно — приятно. Гундовина-10, несмотря на ее неудавшуюся жизнь, всегда останется для меня эталоном стремления к борзости. Она была маленькой, юркой, с цепким взглядом и острыми зубками... пока замуж не вышла. Послебрачные игры превратили малышку в эталон заземленности. И все потому, что муж принуждал ее стирать грани между прошлым и настоящим, а когда увидел, что все грани стерты, воспользовался плодами ее трудов и ринулся в будущее... без нее. Гундовина-10 пыталась протиснуться в его будущий мир без спасательного жилета, но бурные водовороты межличностных отношений отбросили ее на много лет назад, в те грани, которые она однажды переступила. В них она и утонула.

Ее горький опыт привел меня к выводу, что стирать грани между прошлым и настоящим надо самостоятельно, а стремиться в будущее — не обращая внимания на межличностные отношения. Однако применению этой теории на практике помешал Сопель. Он взялся учить меня. Например, как ходить по клетке с высоко поднятой головой. Правда, после трехдневного хождения с задранной вверх носом у меня появилось головокружение и шум в ушах, переходящий в шепот голосов. Но Сопель сказал, что это первый этап превращения меня из несвободного существа в эталон борзости и посоветовал продолжать упражнение. Я продолжала, но после трехнедельной практики в клетке появились соседи. Откуда они взялись — непонятно, так как дверь в клетку я запираю. На вопросы они не отвечали, только бубнили, что им, видите ли, хочется такой же борзости, как у меня... Сразу же после этого Сопель объявил мне, что его миссия закончена, и что он уходит назад в психушку применять свой практически диатонический звукокорд среди своих собратьев.

Я не знала, что делать с соседями по клетке. Они мешали мне стремиться в будущее. Притащили откуда-то два подсвечника и четыре бутылки керосина, чтобы я разработала новый ритуал посвящения неопитов под названием "Све-

чение борзости", одели меня в мой же сюрток "а-ля товарищ Сталин" и принялись подставлять мне свои морды, чтобы я тыкала в них подсвечниками. Я злилась, так как не понимала, почему борзость должна светиться непременно от керосина и зачем тыкать подсвечниками непосредственно в морды. Я вообще не люблю играть в игрушки, а борзость моя светится и без горючесмазных веществ. Но им этого объяснить не могла. Они урчали от удовольствия, когда я, продолжая существовать по клетке с высоко поднятой головой, топтала их тщедушные тушки и куда ни попадая тыкала подсвечниками. Борзости от этого у них не прибавлялось, зато их глаза светились от удовлетворения и счастья. В такие минуты я не без горечи вспоминала Гундовину-10. Ей тоже мешали стремиться в будущее.

"Жизнь — это путь и пути..." — пыталась я объяснить сей феномен сама себе, но настроение не улучшалось, а будущее с каждым днем становилось все более неопределенным.

И тут вернулся Сопель, который, как оказалось, все это время проверял меня на борзость, и именно для этого подсунил в мое жилище соседей, которые впрочем, были его же собственными материализовавшимися желаниями. Сопель был одет во все натуральное, но на средневековый лад. Настроение его тоже проявлялось по-разному — то в миноре, то в мажоре. Мои соседи по клетке не обращали на него внимания — они ждали только одного — когда я буду им тыкать подсвечниками в морду. Некоторые, правда, уже хотели не только в морду.

Надо отдать должное Сопелю, он, чтобы спасти меня, применил весь свой практически диатонический звукокорд, чтобы этим бесполовицам придать черты европейского мышления. Ему удалось, и с этого момента их хорды приобрели трех-четырёх-шестизначный код. Они стали ходить с высоко поднятой головой, не обращая внимания ни на меня, ни на Сопеля. И тут Сопель понял, что промахнулся — все не могут ходить с высоко поднятой головой, иначе будет нарушено равновесие. Наконец-то пригодился кубик этого самого пентотала... Размешав препарат с тоником, Сопель сделал моим соседям по клетке внутривенные инъекции. И вот тут я увидела, какой может быть настоящая борзость. Соседи сначала объединились в народ и, хаотично бегая по клетке, почти затоптали нас с Сопелем. Потом особенно борзые, которые ранее больше всех любили, чтобы им тыкали в морду подсвечниками, разделили народ на партии, после чего каждая

партия, объявив себя самой правдивой, спела свою партию. Разноголосица была такой, что мы с Сопелем на несколько часов полностью забыли о будущем. Они же о будущем не думали вовсе. Просто орали друг другу свои песни, пока не обгорели окончательно и не перешли в рукопашную. Побито было немало соседей.

От вида крови и немереного количества раненых мы с Сопелем вспомнили о будущем и решились на крайние меры — открыли двери клетки, чтобы все это (соседи, объединившиеся в народ, и народ, разделившийся на партии) убралось из нашей ранее тихой обители. Но этот народ был особенным. Проявляя немислимую борзость в исполнении своих партий, он, тем не менее, не желал выходить из клетки. Пришлось ждать окончания действия пентотала с тоником. Минуты тянулись, словно часы, а часы словно вечность, и наконец-то препарат был выведен вместе с продуктами полураспада из их тщедушных телец.

Слава Богу, невероятная борзость всегда забирает много сил, и благодаря этому народ уснул... Когда наутро соседи продали глаза, спросонья забыв про народ, мы уже были наготове — с подсвечниками, которыми сразу же стали тыкать им в морды, и с керосином, которым поливали их обмякшие со сна тушки. Жаль, не было спичек, а то стоило бы применить крайнюю борзость, спалив к чертовой матери клетку вместе со всем ее содержимым. Правда, себя жаль. Сгореть, не дождавшись будущего... Конечно, можно было бы покинуть свое жилище и дать толчок новому Великому Переселению народов, но слишком уж мы с Сопелем привязались к клетке. Столько воспоминаний и эмоций связано с ней! Поэтому о спичках я не помышляю...

А будущее... теперь я мало думаю и о нем. Если в том будущем будет такая борзость, какую я видела недавно, лучше жить настоящим. А значит, нужна самая малость — исполнять желания соседей по клетке, тыкая их подсвечниками в морду, и, напялив сюрток "а-ля товарищ Сталин", посвящать их в мнимый ритуал "Свечение борзости", рассказывая, что их средневековое звучание давно обрело европейскую тональность...

...Есть еще причина, по которой я почти не думаю о будущем: Сопель сказал, что самое главное — не думать о нем, и тогда оно обязательно наступит. Остается надеяться на то, что он прав. Хотя иногда меня все же посещают мысли о счастливом будущем, в котором народ Сопеля, ставший мне уже родным, будет по-настоящему Великим...

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,

смотрите сайт
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org